

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Рассказ о первой депортации

На юбилей, прабабушкин день рождения, съехалась почти вся родня со всей Германии. Пир был в самом разгаре. Давно не виделись: все хотели говорить, хвастаться успехами, а слушать получалось некому.

Ома, устав от поздравлений и шума, прилегла в детской комнате на диване, но и там ей не давали покоя. В зале начали танцевать и включили «Ауссидлеровский вальс». Через стенку отчётливо доносилось:

*Кто мы, люди без роду, без племени,
предков родина нам, как приют.
Угнетали нас, где бы мы ни были,
а теперь притесняют и тут.
Наша бедная русская родина
задыхается в пьяном дыму.
Сколько наших родных похоронено
на Урале, в Сибири, в Крыму.*

*Ауссидлеровский вальс, ауссидлеровский вальс,
от Камчатки до Бреста и Крыма.
Так смахните слезу, набежавшую с глаз,
немцы, что возвратились с России.
Так смахните слезу, набежавшую с глаз,
немцы, что возвратились с России.*

Там не слились мы с пьяными толпами, ведь работоспособность в крови. Вечерами, по-зимнему, долгими пели бабушки песни свои языком, уже нами утраченным. Обрусели, но зов предков силён. От зари до заката батрачил у подножья багровых знамён.

*И теперь вот душа разрывается
и не может покоя найти.
Только жизнь без проблем начинается,
а мы смотрим назад на пути.
Где родились, учились, любили,
в прошлом всё, оторви и забудь.
Что ж, политики, вы натворили,
у народа наплёвано в грудь.*

*Наша доля быть переселенцами,
что ж наделали вы, старики!
Там, в России, мы все были немцами,
здесь теперь нас зовут «Русаки».
Тут мы тоже встречаемся с подлостью,
но печалиться нам не с руки.
И мы скажем когда-нибудь с гордостью,
мы хоть немцы, но мы – русаки!*

Слова тронули ее. Именинница смахнула слезу и закрыла глаза, но отдохнуть не удалось. В детской собралось её младшее поколение.

– Ома, а ты тоже была маленькой девочкой? – приставали многочисленные внучки с вопросами. – А ты что – в Русланде жила? А что вы там делали? Ома, ну расскажи! Ну, битте! – не унимались дети.

– Ну, ладно, зовите старших внуков, расскажу всем сразу. На каком языке вам рассказать? Старшие не знают немецкого, а младшие не понимают русский. Со мной так уже было. Всё повторяется. Ну ладно, закройте хорошенько двери и слушайте!

Расскажу на родном языке.

У нашего народа особая судьба. Родилась я в самом красивом месте земли. Мои родители были самые лучшие в мире. Время шло быстро, мы вырастали и как-будто вросли в сельский рабочий ритм жизни. Наша Волынь, наша новая родина, щедро делилась с нами обильными урожаями. От хороших урожаев на душе была уверенность и радость.

Дети рождались как грибы - хозяйству требовались трудолюбивые руки, семьи увеличивались и

креплю. Церкви были полны благодарного Богу народом.

Наше село было основано немецкими переселенцами, наверное, в 1860 годах. Природа Украины чудесная. Климат мягкий. Солнца много. Земля – первосортный чернозём. Всё растёт. Сунешь палку в землю – и она примется. А если приложить знание, труд, любовь и уход, то капитал вырастал, как на дрожжах. Пшеницу собирали по 100 пудов с гектара.

Слухи разлетались быстро, и народ валил валом, обустроивался и становился на ноги. Первая немецкая улица появилась в Ровно ещё в XIII веке, а массовое рождение немецких колоний началось в последней трети XVIII века. Приезжали меннониты, померанцы, странствующие силезские лесорубы, швабы и брандербуржцы. Ехали из Данцига, Торуня, Галиции и Пруссии. Переселялись немцы-суконщики и вольные крестьяне из Польши. Они вовсе не собирались колонизировать незнакомый дикий край – эти скромные, трудолюбивые люди хотели просто выбраться из нужды и нищеты. Хотели прокормить свои семьи, что-то заработать, чтобы осталось детям в наследство. Хотели чтоб их никто не тревожил. Хотели беспрепятственно молиться Богу по канонам своей религии и растить в мире своих детей.

Местные сельчане были тогда ещё крепостными людьми и не имели даже фамилий, а только клички. Колонисты привозили передовую западную культуру, трудолюбие и умение вести хозяйство. Наделы у польских панов они брали в аренду, а потом выкупали. В таком, Богом созданном, уютном уголке можно и на земле своё счастье найти. Кругом – цветущие луга, чудесные пастбища, много лесов. Леса старые, могучие. В них полно орехов, грибов, ягод, кроликов, волков и всякой птицы. Многие деревья имели дупла, а все дупла были заполнены дикими пчёлами и душистым сладким мёдом. Отсюда и название своё взяло наше село: из двух красивых украинских слов «солодкий» – «сладкий» и «дира», по русски – «дыра», «дупло».

Сладкие дыры. Солодыри.

Для первых немецких переселенцев, здесь были тяжкие дни. Надо было корчевать лес, осушать землю, заниматься земледелием и скотоводством, охранять домашний скот от диких зверей. Жили в первое время в землянках. Потом строили дома. Первыми общественными постройками в колониях всегда были церковь и школа.

Первые колонисты зарабатывали раннюю смерть, вторые – сытый желудок, третьи – сладкую жизнь. И наше детство там было сладким, как дикий мёд. Через село протекала небольшая речушка Ирша. Село находилось в 18-и километрах от центральной усадьбы немецкой колонии «Heimtal» в Эмильчине, с большим лютеранским приходом «Гейтмал», который насчитывал 3000 прихожан. Его украинское название – «Старая Буда». В 10 километрах был райцентр Пулин, а там и до Житомира недалеко.

Житомирский базар славился на всю округу. И названием своим город этому рынку обязан. Рожь – по-украински – «жито», а «мирка» – «мерка». Раньше и весов-то не было, на базаре всё на мерку продавали, как сейчас семечки. Меряли, меняли, торговали, продавали, ночевали, селились – вот и вырос город. В то время селенья росли, как в сказке. Вот такая была наша окраина – Украина.

Немцами нас там прозвали местные, потому что мы по ихнему говорить не умели, для них как немые – немцы, значит.

«Немых отцов немые дети, родившись где-нибудь в Сибири умели лучше всех на свете, молчать и жить со всеми в мире...»

В нашем селе все люди жили дружно, без проблем: немцы, евреи, украинцы, поляки, чехи, русские. Как одна семья. Дети подрастали и женились между собой, несмотря на разные национальности. Нас уважали, говорили: «На немцах можно дома строить, они – надёжные партнёры». Украинцы называли детей немецкими именами, в честь хорошего соседа или настоящего друга. Здоровались словами: «Славьте Иисуса!», отвечали: «Хвалите его!» Благодарили не сегодняшним «спасибо», а полностью – «спаси Бог!».

Хозяйства были крепкие. Вставали рано. В 4 утра выгоняли коров на пастбища. Зимой топили печь, для этого надо было принести две-три корзины кизяков и дров. Пока один это делает, другой выгоняет скот на водопой. Потом надо очистить сарай от накопившегося за ночь навоза и выбросить его из маленького отверстия в стене. Зимой, это отверстие, обычно закрывалось задвижкой, чтоб тепло не выходило. В это время скотина возвращалась с водопоя и стремилась опять в тёплый сарай к свежему корму. Всю свою работу люди сопровождали громким пением духовных гимнов, чтоб ободриться.

Загнав коров в сарай, женщины приступали к дойке и опять пели. Потом они процеживали молоко через чистую тряпочку, в заранее прокаленные в печи, глиняные горшки, затем выгоняли из дома молодых телят, которых в холода забирали на ночь в дом.

Закончив эти дела, женщины готовили завтрак, и только к 6-7 часам вся семья собиралась вокруг стола. Молились перед сном и едой обязательно. Каждый брал свою ложку, краюху хлеба и все по очереди хлебали из общей миски. Нередко каждый получал солидный кусок колбасы, чтоб сила была. Завтрак обязательно был горячим. Наевшись, говорили: «Дас дойчес фолк ист зат» – «Немецкий народ сыт».

После завтрака мужчины запрягали лошадей и ехали на гумно за кормом. Из опасения пожара, колонисты никогда не складывали у себя на задних дворах стога сена или соломы, предпочитая каждый

день ездить на гумно. Затем они занимались работой по дому: исправляли сани, чинили сбрую, проверяли надёжность бороны, плугов, телег и т.д. Если оставалось время, занимались ремеслом: шили сапоги, столярничали.

Женщины после завтрака садились за прялку или вязали чулки, варежки, шарфы. Вышивали наволочки для подушек, картины на стенку, коврики. За ужином на скатерть высыпали сваренную в мундире картошку. Посередине стояла сковородка с растопленным свиным салом. Каждый чистил себе картошку сам и макал на вилке в сало.

Вечером, после ужина, работали при сальных свечах, которые сами отливали. Освещение было очень слабым, но больше одной свечи не зажигали. Довольствовались этим светом. При таком освещении занимались шитьём, вязанием и всякой другой работой. Мужчины в это время сидели по скамейкам и читали Библию, сосали трубки или что-нибудь рассказывали. Дети, слушая за столом разговоры взрослых, тут и засыпали.

По субботам, утром, колонисты надевали большие белые фартуки и шли подметать двор и улицу. Особая чистота и аккуратность – черты немецкого образа жизни. Они входили в правила поведения колонистов, за которыми следил сельский староста. Перед каждым домом был палисадник с цветами. После работы люди мылись дома в больших тазах или в деревянных корытах. Бань во дворе не было. Руки мыли в рукомойниках. Стирала обычно в круглой деревянной лоханке, бельё кипятили, крахмалили. Гладили большими угольными утюгами или мангелем.

В воскресенье, после обеда, молодёжь ходила в тёплое время года за деревней на лугу, а зимой – у кого-нибудь в доме. Там они затевали игры, пели песни.

На Пасху яйца приносили, кто сколько может. На улице делали кривую горку, наверху дощечку – скат. Яйцо клали на дощечку, оно по ней скатывалось и оставалось лежать на земле. Другой скатывал своё яйцо следом, а если задевал предыдущее, то забирал его, если не задел – то оно оставалось лежать как приз. Потом стучались яйцом об яйцо, разбитое забиралось у побежденного, как трофей. В конце битвы победитель угощал остальных своими трофеями.

Но как только звучал вечерний колокол церкви, все расходились ужинать и исполнять необходимые работы. Каждый колонист, услышав звон колокола, складывал руки и читал молитву «Отче наш», если он сидел, обязательно вставал. Если шёл по улице, то останавливался и снимал шапку.

После ужина молодёжь постарше опять ходила часов до десяти или одиннадцати. Взрослые ложились поздно – работы было всегда много. Люди старались соревноваться на лучший двор, дом, улицу, село. Дома были ухоженные, в гостиной – деревянные полы. Погреб в домах ломился от продовольственных запасов. Сами делали колбасу, копчёности, тушёнку, пиво, хлеб, компоты.

В селе было много коров, быков, лошадей, свиней, овец, собак и не считано всякой птицы. Утренние петушиные концерты забыть невозможно, а запах костров, где сжигали осенние листья, помню до сих пор. В селе было три или четыре ветряные мельницы. На них мололи муку и делали постное подсолнечное масло.

Дети играли и учились хорошим манерам, учились дружить, принимали, как взрослые, гостей. Соблюдали немецкие традиции.

После уборки урожая, поздней осенью, обычно снаряжали из каждого села по два-три человека закупаться в Польшу, в город Лочь, за тканями и другими фабричными вещами, хотя многие колонисты имели свои сапожные мастерские, сами шили себе и на продажу хорошую обувь. На каждый день пантолеты – ботинки с деревянной подошвой, на выход – хромовые сапоги и ботинки. Во многих дворах были свои кузницы, и люди сами ковали разные изделия. Для себя и на заказ. Многие имели свои столярные мастерские. Делали мебель, косилки, молотилки на конной тяге, всякий сельскохозяйственный инвентарь, сани, лыжи, деревянные игрушки. Умельцы изготавливали великолепные скрипки, гитары, мандолины и цитры. Были свои гончарные мастерские, делали красивую посуду. В некоторых колониях имелись крупные чугунолитейные заводы, фабрики сельскохозяйственных машин и механических мельниц, суконные фабрики, винокуренные и пивзаводы. В нашем селе был свой хороший портной с девочками-ученицами. Даже малышки шили себе тряпочных кукол. В каждом доме было веретено, у многих – ткацкие станки. Женщины сами ткали и обшивали свои семьи.

За высшее благо в колонии считалась религиозная мораль, крепкая вера и дружная семья. Родители учили детей послушанию, опрятности, честности, труду и занятиям. Лень и пьянство всеми осуждалось. Даже маленькие дети во всех семьях, мальчики и девочки, умели готовить национальные немецкие блюда, штопать, шить и вышивать, кормить кур, косить сено, убираться в сарае, ездить верхом на лошади, исполнять народные обряды. Рождество праздновалось по-немецки 25 декабря, а не 7 января, по-русски.

По пятницам не ели мясного и жирного, соблюдали пост Страстной пятницы – дня распятия Христа. Пекли крабеле – «шульцен орен» – и дети разносили их горячими по родным и знакомым. Всем делились, друг другу помогали, родня была крепкая – один за всех, все за одного. Дети называли родителей на «Вы». Большинство семей были многодетными. Многие семьи были очень музыкальны: играли на различных музыкальных инструментах и пели. В селе устраивались целые фестивали и

конкурсы семейных духовых и струнных оркестров. Даже дошкольники играли чудесно на нескольких инструментах. На деревенских праздниках все вместе собирались на площади в огромные оркестры и хоры – прославляли Бога. Музыка в основном была церковная. Всё, жители были богобоязненные, верующие люди.

Перед Первой мировой войной в селе проживал 371 человек. Была своя школа, магазин, сушилка для табака, немецкое и русское кладбище. Был православный молитвенный дом с колокольной, лютеранская церковь. Пастора не было, был дьякон.

В 1866 году образовалась ещё одна община евангелистических баптистов, приехавших из Польши. А в 1906 году построили крупнейший в округе большой баптистский молитвенный дом из красного кирпича на 1500 мест и с балконом – ещё на 500 человек. В нём был даже бассейн для крещения. На службу собирались жители всех ближайших сёл и хуторов.

Богослужения посещали непременно наряженными. Одевали всё самое лучшее. Только в церковном духовом оркестре было 85 музыкантов. А если вместе – школьный и церковный хор – прославляли Бога, стёкла дрожали и души трепетали.

Равнодушных и неверующих не было. Молитвы были от души – чистыми, благодарными и обильными. Люди любили Бога всей душой и обильно жертвовали.

Жили очень хорошо. Так богато, как жили наши колонисты на Волыни, не жили в то время нигде в мире. Ни в одном уголке земного шара, ни у одного народа на земле не было и приблизительно такого достатка, как у наших немцев. Ни на Украине, ни на Волге, ни в России, ни в Германии, ни даже в Америке. Проезжая по немецким колониям, люди думали, что они попали за границу или даже в рай. Дикие земли, нашим трудом, превратились в парадиз.

Весной всё утопало в цветах. От красоты, запаха и счастья кружилась голова. Соловьи пьянели от любви и не давали спать всю ночь. Молодёжь собиралась вечерами и прогуливалась по селу, распевая песни. До 1908 года, трое старших детей из нашей семьи, уже были женаты.

Всё было хорошо до 1914 года. В этом году началась война.

Уже перед войной, в воздухе пахло грозой. Были приняты «ликвидационные законы». В России – немец считался аккуратным, рачительным, немного скупым хозяином, прилежным, умелым работником и мастером на все руки. В поведении был прост, ростом высок, в одежде аккуратен, в кушанье славен, в нраве ласков, лицом пригож, в писании изряден, в науке знаток, в законе твёрд, в предприятии – орёл, в услуге верен, в браке – хозяин.

Но сколько волка не корми, он всё равно в лес смотрит. И с географической карты исчезли немецкоязычные названия поселений. Запретили все немецкие общественные организации и немецкоязычные издания. Отношение к нам стало хуже. Многие наши немцы стали уезжать. Кто – в Америку, кто – в Пруссию, некоторые – в Прибалтику, большими группами перебирались в Сибирь и на Дальний Восток, некоторые переселялись в глубь Украины. В самом начале войны, в немецких колониях, власти сразу распустили наших избранных деревенских старост – шульцев и обершульцев. А им правительство давало большие полномочия. Они отвечали не только за порядок и безопасность в селе, но и за успехи в сельском хозяйстве и обеспеченность колонистов продовольствием, за сохранность скота и уход за сельхозинвентарём, за пожарную безопасность и многое другое. Вместо них пришли русские начальники, у всех крестьян отбирали продовольствие для нужд русской армии. В наших церквях служба шла с утра до вечера, каждый день, и они всегда были полны всё новыми и новыми солдатами.

В обратную сторону, на восток, шли санитарные окровавленные повозки с забинтованными молодыми калеками. Везде: в общественных местах, на улице, на базаре – нам запрещали разговаривать на родном немецком языке, а русского мы не знали. Нас везде оскорбляли, презирали, звали немецкими шпионами. А мы работали от темна до темна – в поле и в сарае, разобраться, что творится вокруг, было некогда.

В чём была наша вина? Молодёжь забирали в армию. У кого было немецкое гражданство – служили в Германии. У кого русское подданство – служили царю.

Наши два старших брата уже два года воевали в русской армии. Из газет мы узнали, что русланддойче воюют только на турецком фронте, что при осаде крепости Эрзурум, их погибло 40.000 человек. Командиры не жалели наших ребят. Каждый день мы молились за наших братьев, от переживаний заболела мама.

Казалось, весь мир сошёл с ума. Все страны воевали между собой. Шла такая огромная бойня! По всей земле лилась рекой кровь. Материнские глаза во всех странах ослепли от слёз и горя. Молитвы не знали конца. В газетах писали, что германские войска разбили под Горлицей русскую армию. Фронт приближался и к нашей маленькой колонии на Волыни, к нашим Солодырям.

В правительстве появилась идея: выслать навсегда всех немцев из европейской части России за Урал. Для начала русский царь решил оставить вдоль фронта противнику мёртвую пустыню шириной в 150 километров. Только за шесть дней с Волыни выслали 70.000 наших безвинных трудяг-колонистов, женщин, детей, старух и стариков, здоровых и больных – всех наших немцев-поселян. Затем, ещё 130.000 русских немцев насильственно, как врагов и шпионов, выселили из Волыни, которую мы своим

трудом, из дикой местности, превратили в цветущий сад. Всех нас разорили в считанные часы. Всё нажитое растащили чужие люди. Почти 500 волыньских колоний прекратили своё существование. Сёла стояли пустые, дома – бесхозные, беспризорные животные бродили по дорогам. Хозяйство, где каждый кустик, каждое деревце, каждый гвоздик был вбит своими руками, осталось на произвол судьбы. Немецких колонистов, наших людей, выслали прямо во время сбора урожая. Семьи разорвали, родственники растерялись. Мы оказались между двумя жерновами. Люди плакали и молили Бога о защите. Родителям, у которых дети были в русской армии, инвалидам, вдовам и мужчинам старше 60-и лет разрешили, пока, оставаться дома. Но и их не обошла горькая судьба.

В январе 1915 года, во время больших морозов и эти колонисты тоже должны были уехать, хотя их дети были на турецком фронте. Это было ужасно. Наша мама была больна, лежала в постели, но ничего не помогало. О Боже! Что мы тогда пережили...

Мужчины срочно нарастили длину саней, соединив по двое саней вместе. Наверх, положили длинную лестницу, сверху, навалили солому, потом положили постели. На постель положили больную маму и накрыли одеялами. Она попросила дать ей в руки Библию. её губы беспрестанно шевелились, читая молитвы. В глазах застыли крупные слёзы.

Плакали все, везде, во всех дворах. На другие сани мужчины погрузили сено для лошадей, продукты, остальные постели, одежду, посуду, всякое хозяйское барахло. Наверх посадили детей и женщин. Было нас девять душ. Ещё раньше, осенью, первой выслали нашу старшую сестру с её маленькими детьми. Она даже не смогла собрать вместе своих девяти детей. Двое осталось жить в нашем доме и сейчас были с нами. Весь скот остался некормленным в сараях. Коровы мычали, собаки охрипли от лая и рвались с цепей. Люди плакали и рыдали, их увозили с насиженных мест прочь.

Мы проехали 40 километров с двумя полными санями до железнодорожной станции Коростень. Зима была снежная, дороги замело. Лошади застревали в снегу и едва шли. С горем пополам добрались. Там нас загнали в большой дом. Он был уже заполнен людьми. Нашу маму разместили в какой-то грязной маленькой комнатке. Мы разгрузили наши вещи прямо на землю. И сели сверху. Так мы и спали.

На станцию согнали около 3.000 человек со всех соседних немецких колоний: Сорочень, Блументаль, Хаймгаль, Роговки, Горошки и других деревень. Жили мы там трое суток. Лошадей наших сразу отобрали. Потом нас повели грузиться, затолкали всех в грязные от сажи и паровозного дыма чёрные, вонючие вагоны для скота. Я думаю, в эшелоне было около 40 вагонов. Перегруженный эшелон пошёл на Киев.

Пока мы туда ехали, умерла наша милая, хорошая, любимая мама. Вы не имеете об этом понятия, что значила для нас мама! Поезд стоял всего несколько минут. Чужие люди забрали её с поезда и закрыли дверь. Можешь кричать, рвать на себе волосы, реветь – ничего не помогает. Поезд пошёл дальше в неизвестность. Куда, никто не знал. Потом умер мамин папа. Дедушку сняли в Воронеже.

Люди умирали, как мухи. Мы, охрипшие и опухшие от слёз, без сна и света, покоя и сил, валялись в холодном вагоне, потеряв счёт времени и всякую надежду. Холодный ветер, сквозь щели, выдувал из наших худых тел, остаток жизни. Поезд шёл на восток.

Нас выгрузили ночью – посреди голой оренбургской степи, остальных – повезли дальше – в Сибирь. Мороз никого не жалел. Чёрное ночное небо слилось с землёю. Белые хлопья колючего снега залетали сквозь одежду прямо в сердце. Степной буран сбивал с ног. Дети и женщины плакали, старики мечтали умереть.

Нас прибыло 1.600 душ. Всех поселили в двух больших бараках.

Потом вспыхнула эпидемия. Первым умер отец отца – наш дедушка, рождённый в Германии. Затем умер мой младший братик. Ему было только 10 лет. За три месяца умерло 1000 человек, в живых осталось 600. В поле рыли большие ямы, куда укладывали по 30 гробов и засыпали землёй. Потом нас снова выслали и распределили по глухим татарским бедным деревням, в землянки и мазанки.

Полная противоположность нашим колониям! За 100 километров от железной дороги. Там мы должны были жить. Там было так много крыс, мышей, тараканов, клопов, вшей и блох, что о сне не было и речи. Мы молились и плакали беспрестанно. Оставалась только одна надежда – на нашего Бога. Мы молились за наших двух братьев, которые были на фронте. Просили, чтобы Бог послал своих святых ангелов к ним, чтоб оградил их от ранений, мучений и смерти, чтоб дал нам сил вынести все эти нечеловеческие лишения. В такое трудно, почти невозможно, поверить. Но так было. Мы отдали себя Божьей воле.

Мы раньше слышали, что незванный гость – хуже татарина, и поэтому боялись татар, потому что, наверное, хуже их никого нет. Но они относились к нам неплохо. По-человечески старались помочь.

Трудно было с ними общаться. Такого языка мы никогда не слышали.

Их женщины не должны были показываться на глаза чужим мужчинам. Молодёжи почти не было. Все находились в армии или на фронте. Пожилые мужчины-татары имели по две-четыре жены.

Там можно было много видеть и удивляться. Жили они бедно и грязно. В этом маленьком селе нас было 10 немецких семей. Сначала нас было больше, но многих потом увезли ещё дальше в глушь, в степь. Часто уходила я в степь молиться и плакать, а наплакавшись, смотрела в ту сторону, где остался наш дом, где была моя родина. Здесь, куда ни посмотришь, простирались печальные пустыни с редкими

холмами и оврагами. Ветра дули днём и ночью, зимой и летом. Любимой игрушкой у ветра было степное травянистое растение, качим или кермек – Wind trib. По-русски – перекасти-поле.

Это растение степей и пустынь имеет шарообразную форму. Наземная часть, после созревания плодов, отламывается ветром от корня и, гонимая им, катится по степи в виде клубка, рассеивая семена, чтобы новое поколение прижилось в лучших условиях. Катятся эти колобки, как живые, обгоняют друг друга, подпрыгивают, спешат куда-то, пока ветер не загонит их в тупики – в западню, где они образуют огромные скопища. Собираются они там все вместе в кучи и вымирают, а по весне всходят новые поколения, и только они окрепнут – опять ветер странствий гонит их в неизвестность.

Так и наш безвинный народ гоняют по миру – то голод, то нужда, то поиски лучшей доли для наших детей, то злая война, то ностальгия по Родине, то тоска по простому человеческому счастью. И везде наш маленький, трудолюбивый народ, как перекасти-поле, безвинно несёт на себе крест чужих грехов. Везде его наказывают не за свои ошибки. Всегда он лишний. Всюду, как заложник. Чужой среди своих, не свой среди чужих. Как Божий народ в древности, гоним отовсюду.

Один Бог знает, что нам пришлось перенести и что ещё ждёт впереди. Было очень трудно, но мы старались поддерживать друг друга и выжить. Собирались вместе, читали Библию, черпали там силу, пели и прославляли Бога.

Наконец, пришла в нашу глушь добрая весть: война закончилась. Радость была большая. Затем пришёл приказ. Нам разрешено возвращаться на Родину. На Вольту. Можете себе представить наше счастье! За три дня, без сна и отдыха, мы добрались на телегах до железнодорожной станции. Страшно вспоминать. Там нас опять загрузили как скот по 25 душ в грязные, чёрные вагоны. Так мы ехали семь недель – полтора месяца. Вагон часто загоняли в тупик, где мы стояли порой неделями, и никто не знал, что будет дальше. Кончились продукты. Нечего было есть. Мы продали все свои вещи и драгоценности. На свои последние деньги, в складчину, купили немного продуктов.

Мамина Библия всегда была вместе с нами. Божье слово укрепляло и давало силу. О Боже! Что мы тогда пережили – невозможно описать и выдержать. Такое не забывается. Хорошо ещё, что мы остались жить, а сколько тысяч наших земляков нашли свою смерть. Старшую сестру выселили с Украины осенью, мы уехали следом в январе 1915, а вернулись в Солодыри 30 декабря 1917 года.

Как выглядело наше бедное разбитое село! Без своего народа и родина – сирота. Мы приехали домой в 12 ночи. Наши две собаки нас сразу узнали, как только мы их назвали по имени. Они запрыгнули в сани и от радости не знали, что им только делать. Они визжали от счастья, лаяли на всё село, носились по улицам, как сумасшедшие, и всех переполошили. Всюду в домах зажегся свет, в нашем доме тоже. Мы постучали и вошли. Там жили три незнакомые семьи. Они сразу освободили одну комнату для нас. Из девяти человек, нас вернулось только четверо.

Через пару месяцев из Галиции пришло разрешение, и эти семьи смогли уехать к себе на родину в Австрию. Весь дом снова принадлежал нам. Но как он ужасно выглядел! Снаружи и внутри – грязные, обшарпанные стены. Крыша провалилась. Забора не было. От сарая остался один скелет. Пчелиные ульи разбиты. Страшная картина.

Мебель исчезла. Правда, часть мебели соседи принесли назад. Отец где-то раздобыл ещё кое-что. Потихоньку стали налаживать хозяйство.

Ещё через пару месяцев вернулись с фронта оба моих брата.

Сколько раз братья были на волоске от смерти. Сколько их друзей осталось лежать мертвыми на чужих полях после сражений... Сколько тысяч наших молодых ребят-колонистов скончалось от ран – неизвестно. Сколько калек старалось ещё выжить!.. Сколько сирот осталось после этой войны!.. Кому она только нужна!..

Мой младший брат привёл с фронта двух прекрасных вороных коней и хорошую бричку. Это было для хозяйства хорошее начало. Хотя всего не хватало, но с Божьей помощью мы могли начать работать в поле, сеять пшеницу. Немного помогли власти, вместо четырех отобранных коней они всё же вернули нам одну лошадь.

В хозяйских заботах и в труде мы начали снова обживать.

Так закончилась наша первая ссылка, ещё при царе-батюшке.

Такой была его благодарность за наш добросовестный труд. Не успели мы успокоиться, докатилась в наши места революция. Потом началась гражданская война, политика «военного коммунизма», затем коллективизация, индустриализация, расстрелы.

В 1921 году Вольту разделили между Польшей и Украиной. Многие наши родственники оказались за границей. А у нас началось раскулачивание, потом опять ссылка на вечные времена, без права возвращения на родину, теперь на Север, в Карело-Финскую АССР на строительство «Беломорканала».

Не давали нам жить ни внешне, ни внутренне условия. Правительство вдруг объявило, что к 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто, объявлялись «безбожные пятилетки». Церкви были отданы под склады и гаражи или шли под слом. Колокольный звон запретили. Верующих сажали в тюрьмы.

Потом опять началась война, Вторая мировая, и опять ссылка ещё дальше на Север, в Коми АССР, на лесоповал. Везде был тяжёлый физический труд в нечеловеческих условиях.

Потом всех разделили – кого в трудовую, кого в ГУЛАГ, кого в тюрьму, что в общем-то, одно и то

же. А там репрессии, комендатура, карточная система, безнадёжность. Каждый второй русский немец, угнанный в трудовую армию, погиб, и это в тылу. Ни на каком фронте за все войны не было таких потерь.

В ГУЛАГах кладбища, как города, – по 200.000 человек. Умирили сотнями в день. Зимой трупы складывали штабелями в сараях, а крысы, кишевшие там, объедали их так, что от человека оставались только кости. Весной экскаватором рыли ямы и баграми стаскивали туда мёртвых. Сверху землю сравнивали, чтобы скрыть следы преступления. Религию считали опиумом, культуру – пережитком прошлого, всех немцев – врагами. Мы питались помоями. Голод, холод, сорокоградусные морозы, унижения.

А сколько болезней у человека? Как старались сломать наш дух?! Только за то, что мы родились немцами, нас всех лишили гражданских прав. Запретили разговаривать на родном языке. Каждый обязан был дать расписку о том, что не будет самовольно покидать место своего вечного спецпоселения. Все мы должны были ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре, сообщать о любом изменении семейного положения.

С 16-и лет у всех снимали отпечатки пальцев и заносили в личную карточку учёта, в которую были вклеены фотографии. В карточку записывали подробное описание внешности и особых примет человека. С нами обращались, как с уголовными бандитами. За самовольный выезд с места поселения грозила каторга сроком до 20-и лет. За укрывательство беглецов, даже своих детей, грозила тюрьма сроком до пяти лет. В соседнее село или город на похороны, к врачу, на учёбу или в гости разрешалось ходить только, имея письменное разрешение коменданта, и в сопровождении милиционера.

Нас презирали, как народ. Каждого, кто хотел нормально жить, заставляли от всего отречься – от своих родителей, от предков, от своего Бога. Забыть свой язык, своё происхождение, раствориться в других народах, брать чужие фамилии. Наши парней не призывали в армию. Нам запрещали жить в местах происхождения, наши сёла разграбили, остатки сожгли, землю распахали. Нам не давали учиться, не принимали в институты. Не позволяли иметь хорошую специальность даже талантам, не давали сделать карьеру. Нас обрекали на вымирание, но мы выжили. И жили, в конце, совсем неплохо.

Немец, как верба, – где воткнёшь, там и приживётся, но, как говорится, в гостях – хорошо, а дома – лучше. И мы очень хотели назад, домой, в Германию.

Наконец, дождался последнего переезда на фатерланд, в Германию. Выпустили нас почти голыми, разрешили взять только по 25 килограммов личных вещей, да и те здесь выбросили. Всё оставили там, и опять мы здесь вроде не свои, а с протянутой рукой. Опять обвиняют и не признают, равными не считают. Везде мы – лишние, без вины виноватые.

Я всю жизнь тяжело работала, как трёхгорбый верблюд. А теперь вот на свою пенсию даже вам гостинцев купить не могу, не то что наследство оставить. Только мамину Библию сохранила, да разные записи в ней делала о судьбе нашей семьи.

Мои года – моё наследство, да ещё детей нажила, внуков и правнуков.

Так и гоняли ветры истории наш маленький, трудолюбивый, мирный и горемычный народ по земле, как перекасти-поле, вот уже 200 лет. И никто нас понять не хочет.

«Но всё равно я очень счастливая! Бог сохранил меня и исполнил всё по моим молитвам. Все кошмары позади. Я здорова! У меня есть вы! Жизнь продолжается – цепочка растёт. У меня ещё хорошая память. Меня любят! Вон сколько народу собралось. Какой день рождения устроили. В Altenheim не сдают. Давайте-ка, внучата, все вместе помолимся. Поблагодарим Бога, что мы, наконец, дома, что мир на земле, что у всех вас есть папы и мамы, что нет сирот, что в Германии никто голодный спать не ложится, что ваше поколение может теперь по-настоящему пустить корни. Некоторые из вас уже здесь родились. Вы будете жить в своей стране не как квартиранты, а как настоящие хозяева. Помолимся за то, что я буду лежать в родной земле. Помните, что если что-то местные могут, то мы – это десять раз сможем. Только не будьте равнодушными, будьте активными, не забывайте тех, кто не дожил, кому вы обязаны своим сегодняшним счастьем и молитесь Богу, чтоб не подули новые ветры и не погнались перекасти-поле в неведомую даль.

Не забывают, хоть мы и немцы, но мы – русаки.»

Райнгольд Шульц.
Германия. Гисен.